

В.Г. ЗУБАРЕВ, С.В. ЯРЦЕВ

РИТУАЛЬНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В САКРАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ»¹.

Жизнь как эллина, так и варвара во всех отношениях была неразрывно связана с религией. Причем божества являлись не только покровителями и помощниками в тех или иных делах, но и защитниками городов и поселений. При помощи специальных действий и ритуалов можно было добиться помощи от богов во время войн и нападений. Особая роль при совершении таких магических обрядов отводилась защите оборонительной стены или рубежному участку земли. Не менее важной была и защита отдельных построек внутри поселений.

Городище «Белинское», расположенное в непосредственной близости от северного участка Узунларского вала, играло важную роль в обороне западных рубежей Боспорского царства, поэтому его защита должна была быть достаточно надёжной.

Для решения этой задачи у населения имелись две возможности: материальная и нематериальная, лежащая в сфере сакральных отношений. Первая возможность воплотилась в сооружении мощных оборонительных стен по всему периметру городища [Зубарев, 2008, с.116 -122]. Вторая – в использовании ритуальных жертвоприношений и захоронений как животных, так и людей. Накопленный к настоящему времени археологический материал позволяет проследить сочетание этих возможностей на протяжении всего периода существования городища (первая четверть II – первая четверть V вв. н.э.).

К числу животных, наделённых защитными функциями, в первую очередь следует отнести собаку. Представления о собаке как о спутнике богов и животном, сторожившем вход в загробный мир, скорее всего, были восприняты древними греками и скифами ещё с востока [Молева, 2001, с. 99]. Обряд жертвоприношения собак у греков был распространён мало (в культах Зевса, Гефеста, Гермеса-Психопомпа, Ареса, Геракла, Асклепия) и был в основном связан с женским божеством [Денисова, 1981, с. 108], более всего с Гекатой. Именно в мистериях Гекаты, в обрядах очищения использовалась кровь

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 10-01-00161а «Античный Боспор и археология: историко-культурные реконструкции на археологическом материале».

собак [Молева, 2007, с. 50-51]. Однако культовые захоронения этих животных у греков неизвестны [Емец, Масленников, 1992, с. 36; Шауб, 2007, с. 104].

Захоронения собак известны на лесостепных земледельческих поселениях VI-III вв. до н.э. Восточной Европы и далее к северу, на территории Польши, Германии, Дании [Емец, Масленников, 1992, с. 36-37]. Эти захоронения не похожи на греческие жертвоприношения и явно имеют другую религиозную основу, что позволяет предположить наличие связи между появлением данного обряда в городах Северного Причерноморья и воздействием культовой практики племён лесостепи [Шауб, 2007, с. 105].

В культовой практике Боспора захоронения собак явление довольно распространенное и встречается как в городах, так и на некрополях. Связь образа собаки с хтоническим миром не вызывает сомнения, и жертвоприношения собак, совершаемые при закладке крепостных стен или строительстве жилья, могут быть объяснимы стремлением заручиться поддержкой хтонических божеств [Молева, 2002, с. 122-123.]

Собака определённо маркирует хтонический мир и соответственно имеет двойственную природу, будучи связанной как с миром мёртвых, так и с миром живых. Это достаточно отчётливо выраженный посредник между людьми и подземными богами. Собака даже после своей смерти (фактически оставаясь материально в мире живых) продолжала охранять людей, обеспечивая связь с богами. Универсальность этого посредника позволяла использовать его не только в зольниках и ботросах (где собака устанавливала связь с конкретным божеством), но и в важных для защиты местах. Вот почему захоронения собак нередко располагались не только возле фундаментов городских зданий, но и в основаниях крепостных стен [Русяева, 1992, с. 47; Молева, 2002, с. 117-123; Молева, 2007, с. 51; Шауб, 2007, с. 105, 107].

На городище «Белинское» к настоящему времени насчитывается семь захоронений собак, которые достаточно уверенно можно связать с культовой сферой. Два из них выявлены в ямах, заполненных золой и являвшихся, по-видимому, ботросами. Четыре – под фундаментами помещений. Одно в основании северо-западной крепостной стены.

Захоронения в ямах-ботросах, скорее всего, были осуществлены после соответствующего жертвоприношения и связаны с конкретным божеством. Судя по материалу, содержащемуся в грунте заполнения, совершены они были не ранее второй половины III и не позднее первой половины IV вв. н.э. Остальные захоронения собак хронологически связаны с начальным этапом в истории городища (первая четверть II в. н.э.).

Все четыре захоронения под фундаментами помещений найдены в непосредственной близости от оборонительных стен (три помещения располагались возле северо-западной стены, одно возле юго-восточной). В трёх случаях захоронения сопровождалась инвентарём. Впрочем, исключать нали-

чие инвентаря и в четвёртом захоронении полностью нельзя, так как оно частично было повреждено поздним перекопом.

На раскопе «Южный» с внешней стороны западного угла помещения вблизи оборонительной стены было обнаружено захоронение двух собак² в подбое под фундаментом. Дно погребальной ямы устлано слоем азовской ракушки. Головы скелетов собак ориентированы на север. Захоронение сопровождалось лепной курильницей на ножке крайне плохой сохранности и миской (вторичное использование ножки амфоры типа «А», по Д.Б. Шелову).

На раскопе «Северный» все три захоронения располагались внутри помещений в подбое под фундаментом углового стыка стен. Причём в помещении, непосредственно примыкавшем к северо-западной оборонительной стене, - в северном углу в подбое под фундаментом оборонительной стены. В двух же других помещениях – в восточных углах, обращённых внутрь городища. Одно из захоронений, как уже отмечалось выше, частично было повреждено поздним перекопом. Кости скелета оказались смещёнными, и точную, первоначальную ориентацию установить не удалось. Второе захоронение содержало скелет одной собаки, ориентированный головой на север. Инвентарь, сопровождавший погребение, представлен небольшой лепной курильницей и лепным горшочком, раздавленным на мелкие фрагменты.

Особый интерес представляет ритуальное захоронение собаки в помещении № 7, примыкающим к оборонительной стене и построенным одновременно с последней. Во-первых, в силу его лучшей сохранности. Во-вторых, в силу его функционирования на протяжении двух периодов в истории городища, разделённых событиями середины III в. н.э. Захоронение содержало скелет одной собаки, вытянутый вдоль оборонительной стены и ориентированный головой на север. Сопровождающий инвентарь был представлен фрагментированным лепным горшочком. В середине III в. н.э. помещение было разрушено, а затем вновь восстановлено. Слой разрушения внутри помещения был перекрыт глиной, послужившей полом для новых жильцов. Над ним, практически точно над захоронением собаки в небольшой угловой нише были найдены два лепных светильника: один птицевидный на ножке, второй ладьевидный. Последний находился в перевернутом виде. Скорее всего, в данном случае место ритуального захоронения на протяжении всего периода функционирования помещения служило для его обитателей в качестве домашнего алтаря. Возможно, подобная практика характерна и для прочих захоронений собак внутри помещений.

Здесь же, на раскопе «Северный» со стороны внешнего фаса северо-западной оборонительной стены был выявлен мощный слой бутового камня. Ширина данного слоя до 0,8 м. Мощностъ до 0,6 м. В этом слое на расстоянии 0,5 м от фаса обнаружено захоронение собаки. Положение вытянутое, вдоль

² Определение остеологического материала М.О. Жутенковой.

фаса оборонительной стены. Какого либо инвентаря в захоронении не было. Примечательно, что данное захоронение расположено вблизи предполагаемого центрального прохода на городище, что лишний раз подчёркивает его охранные функции.

По-видимому, подобным образом, в качестве важного посредника между богами и людьми, надо рассматривать и ритуальные захоронения свиней, одно из которых было выявлено на Белинском городище, на раскопе «Северный». Скелет животного располагался вблизи фундамента оборонительной стены, со стороны её внешнего фаса, и был ориентирован головой на север. Захоронение безынвентарное.

Известно, что в античном мире свинья являлась традиционным жертвенным животным Деметры [Фрэзер, 1998, с. 490-492]. Об этом свидетельствует то, что в святилищах женских божеств нередко фигурируют кости [Завойкин, Добровольская, 2007, с. 118] или статуэтки поросят [Кузина, 2009, с. 236-237]. Более того, во время проведения женского праздника Фесомофория (связанного с деторождением и урожаем) поросят вообще сбрасывали вместе с землёй и зерном в пещеры, гроты и ямы (Aristoph. Thesm., 44). Видимо, такими действиями старались подчёркнуть взаимосвязь этого животного с хтонической ипостасей женского божества. На данное обстоятельство намекает и известная роспись богатого пантикапейского склепа Алкима, сына Гегесиппа (I-II вв. н.э.). Учитывая, что именно поросёнок указал место на Ниссейской равнине, где Аид похитил дочь Деметры, в сцене похищения Кору Плутоном и возвращения Персефоны после скитаний по подземному царству фигурирует и изображение свинки [Ростовцев, 1914, с. 236-237; Завойкин, Добровольская, 2007, с. 118; Русяева, 2005а, с. 349-350].

Подобные представления, в какой-то степени, были характерны и для варварского мира, в некоторых регионах которого на определённых этапах исторического развития (например, в лесостепной Скифии) ритуал жертвоприношения свиней получал довольно широкое распространение [Шауб, 2007, с. 108]. Правда, здесь необходимо учитывать, что свиньи являлись одним из главных источников мясной пищи. Поэтому интерпретация роли этого животного в погребальном обряде варваров обычно ограничивается снабжением покойного пищей, приношением в дар богам или культовой тризной. Именно через такое понимание этого ритуала рассматриваются кости свиньи в могильниках меотов [Лимберис, Марченко, 2002, с. 176], погребениях черняховской культуры и Северной Европы римского времени [Могильников, 1974, с. 184-186; Никитина, 2008, с. 146-147].

Ритуальные захоронения животных на городище «Белинское» не исчерпываются собаками и свиньями. Так, в одной из ям, заполненной золой, был найден череп быка, явно попавший туда не случайно вместе с мусором. Фрагмент черепа ещё одного быка был обнаружен на раскопе «Южный» под

фундаментом одной из стен, образующих помещение. Любопытно, что в этом помещении выявлен сакральный комплекс в небольшой нише : ножка амфоры со сбитой нижней частью типа «Синопа», фрагменты ножки амфоры неизвестного типа, ножки амфоры типа «D», по Д. Б. Шелову, ножка амфориска, открытый ладьевидный светильник, бронзовая гиря-экзагия из обточенной монеты. К хазарскому времени относится найденное в подбое одной из ям на северном участке городища захоронение ягнёнка. Все эти захоронения, несомненно, были связаны с жертвоприношениями определённым богам, однако вряд ли их назначение было схоже с захоронениями собак и, возможно, в отдельных случаях свиней. Иное дело ритуальные захоронения людей и в первую очередь погребения младенцев.

Такое погребение в 2010 году было обнаружено в ходе раскопок городища «Белинское» в углу, образованном внешним северо-западным фасом оборонительной стены и выступающим внешним северо-восточным фасом стены западной башни. В небольшой ямке глубиной 0,2 м., перекрытой несколькими крупными фрагментами стенок амфоры типа № 83, по И. Б. Зеест, были выявлены останки двух плодов человека, внутриутробный возраст которых составлял 8,8-9,2 и 8,9-9,3 лунных месяцев. Вероятнее всего, в обоих случаях имело место прерывание беременности, а именно – преждевременные роды³. Захоронение не привязано к основанию фундамента стен, который заглублён здесь в материк на 0,4 м.

Подобные захоронения младенцев в сосудах и без них известны у многих народов. Обычно они связываются с культом плодородия [Лапин, 1966, с. 221-222; Бураков, 1976, с. 142; Секерская, 1978, с. 172, Высотская, 1984, с. 138-139]. Считается, что в Северное Причерноморье этот обряд был принесен греческими колонистами. С середины VI в. до н.э. и вплоть до римского времени включительно он фиксируется на некрополях Березани, Ольвии, Боспора [Зубарь, 2005, с. 132]. Однако только идеей плодородия невозможно объяснить, почему в некоторых случаях такие погребения происходили не на некрополях, а на поселениях, причем непосредственно в домах или в основании внешних фундаментов стен.

Подобные захоронения в сосудах и без них известны на Неаполе Скифском [Высотская, 1979, с. 169], Алма-Кермене [Высотская, 1972, с. 38], Усть-Альминском городище [Высотская, 1984, с. 138-139], Козырском городище [Бураков, 1976, с. 138-143], Никонии [Секерская, 1978, с. 164-173] и в других местах [Мелюкова, 1975, с. 22]. В Ольвии, как и в нашем случае, косточки младенца, помещенные в небольшую ямку (под полом в помещении), были перекрыты сверху амфорными черепками [Крапивина, 1993, с. 38].

Обряд погребений младенцев на территории поселений в римское время

³ Определение антропологического материала осуществлено Д. Ю. Пономарёвым (г. Керчь).

хорошо известен и в Европе, в частности в южных Альпах [Berger, 1998, s. 319-328] и в Англии [Struck, 1998, s. 313-317]. Вероятно, тесно связан с данными погребениями и античный обряд «зугрундариум», когда ребенка младше 40 дней хоронили в нишах стен, закрывая черепицей или фрагментами карнизов [Fulgentius, 1936, s. 138].

По-видимому, погребения младенцев на поселениях являлись отражением особого обряда, который следует рассматривать отдельно от обычных захоронений младенцев на некрополях.

Известно, что в качестве животворящих начал в идее плодородия выступает Мать – земля, являющаяся творцом природы, и Мать – женщина как продолжательница рода [Лапин, 1966, с. 221-222]. При этом глиняный сосуд, в котором часто погребали детей, в представлениях древних являл собой лоно женщины – дом для преждевременно умершего младенца [Морозова, 2003, с. 129].

Погребенные дети (особенно это касается погребений в основании внешних фасов стен) умерли в младенческом возрасте. По этнографическим данным, мать до определенного срока не могла появиться на улице с таким маленьким ребенком, не пройдя очистительные обряды. То есть, без обряда инициации младенец еще не принадлежал общине [Фрэзер, 1998, с. 224-225] и представлял, таким образом, некоего «недочеловека», не родившегося полностью [Тульпе, Хршановский, 2002, с. 163-164]. Он как бы одновременно принадлежал и подземному миру мертвых, откуда он вышел, и миру живых, в котором материально пребывал.

В первые века нашей эры происходил активный поиск посредников между богами и людьми [Свенцицкая, 2003, с. 44]. Младенцы в этом плане могли стать одним из самых эффективных способов установления контакта с посторонним миром. По мнению В.В.Крапивиной, именно это обстоятельство явилось идеологической основой для использования умерших младенцев в мистических ритуалах с целью обеспечения божественной поддержки, в том числе и магической защиты оборонительной стены⁴.

Погребения младенцев, в первую очередь, у оснований внешних фасов, в том числе и оборонительных стен, являлись неким защитным маркером, помечающим непосредственно сам город или поселение. Логическая цепочка ассоциативных звеньев при этом могла бы выглядеть следующим образом:

1. Глина – земля – женщина – явления одного порядка [Морозова 2003, с. 129].

2. Соответственно глиняный сосуд представлялся женщиной (то есть первым домом любых людей, в том числе и живущих в данной местности) [Морозова, 2003, с. 129-130].

⁴ Авторы выражают искреннюю благодарность Валентине Владимировне Крапивиной за предоставленную консультацию по данному вопросу.

3. Отсюда не только дом, но и сам город или поселение в целом могли также сознательно персонифицироваться с женщиной – богиней.

Скорее всего, именно идею неразрывной связи с богиней-покровительницей преследовали жители города или поселения, погребая младенцев на пограничной линии или в основании оборонительных стен. Это вселяло надежду на божественную защиту во время нападения врагов. Кроме того, в местах погребения младенцев, учитывая их высокоэффективные посреднические свойства, происходила непосредственная связь с потусторонним миром. Следовательно, именно здесь можно было ожидать и наибольшую помощь от женского божества.

Очевидно также, что для возникновения данного обряда на том или ином поселении необходимо было наличие, во-первых, собственно женщин, а во-вторых, достаточно развитых специфических черт культа женского божества. Это объясняет, почему повсеместный рост популярности почитания Матери богов в качестве защитницы городов в римское время [Русяева, 2005, с. 240] стал приводить к уменьшению захоронений детей в амфорах на античных некрополях Северного Причерноморья [Зубарь, 2005, с. 132]. Ведь в новых условиях этот исконный греческий обряд уже не выполнял главных функций Верховного женского божества.

Судя по типу амфоры, обломки которой перекрывали погребение младенцев на городище «Белинское», оно может быть датировано не ранее конца II в. н.э. и не позднее середины III в. н.э. Во второй половине III в. н.э. погребение было перекрыто слоем бутового камня, являвшегося частью противотаранного пояса, возведённого вокруг западной башни.

Такая датировка позволяет уточнить этнокультурную составляющую исследуемого нами обряда.

В это время, после того, как в 193 г. Савромат II «завоевал сираков и скифов», «присоединив по договору» (КБН № 1237) с римским военным командованием часть Таврики [Зубарь, 1998, с. 111-113], на городище «Белинское» начинает меняться состав населения. С одной стороны отсюда уходят воинские контингенты, с другой, возможно, появляются беженцы-переселенцы, которые вместе с осевшими здесь ветеранами составляют основу нового гражданского общества [Зубарев, 2008, с. 119].

В связи с прекращением боевых действий и наступлением некоторой стабилизации обстановки миграция населения из наиболее пострадавшего во время войны Центрального Крыма происходит в Юго-Западную Таврику, к югу от Альмы [Зубарь, 2008, с. 111] и в Восточный Крым, на Боспор. На последнем направлении перемещение людей, возможно даже насильственного характера, хорошо прослеживается по данным анализа лепной керамики, проведенного В.П.Власовым [Власов, 2006, с. 173]. Это подтверждается и появлением новых для территории Боспора культовых захоронений

животных, захоронений внутри помещений человеческих черепов и других инноваций [Емец, Масленников, 1992, с. 32-40]. Скорее всего, именно в рамках выявленной А.А.Масленниковым особой роли позднескифского этноса в культуре позднеантичного населения Боспора [Масленников, 2007, с. 517-522] необходимо оценивать и погребение с недоношенными младенцами на Белинском городище.

Крымская Скифия являлась ближайшей к Восточному Крыму регионом, где в первые века нашей эры был достаточно широко распространен обряд погребений младенцев на территории поселений. Количество выявленных здесь подобных захоронений впечатляет. Только для Неаполя Т.Н. Высотская отмечает 22 подобных захоронения [Высотская, 1979, с. 169]. Еще около 20 погребений детей в сосудах и без них обнаружены на городище и в пригороде в результате последующих раскопок [Пуздровский, 1994, с. 121]. Около 30 подобных захоронений открыто на Усть-Альминском городище [Высотская, 1984, с. 138-139; Пуздровский, 1994, с. 122].

Учитывая склонность крымских скифов к подражанию античным вкусам [Высотская, 1975, с. 48], данный обряд явно имел синкретический характер, являясь продуктом взаимовлияния греческих погребений детей в сосудах и местного, скифского обычая погребения младенцев на поселениях [Высотская, 1979, с. 169; Высотская, 1984, с. 139]. Применительно к погребению на Белинском городище, как и в ряде других мест, это просматривается в отсутствии собственно самого сосуда, на который только намекают отдельные черепки.

Особое место среди ритуальных захоронений на городище «Белинское» занимают захоронения взрослых людей. Их появление на городище хронологически связано с тем периодом, когда материальная защита его была полностью разрушена вследствие провала западной экспансии Боспора в период соправительства Радамсада и Рескупорида VI [Зубарев, 2011, с.246-247]. Большинство этих захоронений приходится на линию северо-западной крепостной стены, т.е. туда, где в предшествующее время были сосредоточены ритуальные захоронения животных, в первую очередь собак.

В золистом слое вдоль разрушенной оборонительной стены и непосредственно на сохранившемся фундаменте были выявлены человеческие погребения. Несмотря на почти полное отсутствие инвентаря⁵, хорошо датируемый, золистый слой, не несущий в себе следов поздних перекопов, позволяет отнести эти захоронения ко времени формирования данного слоя — середине – второй половине IV в. н.э. [Зубарев, Ярцев, 2008, с. 17-26].

⁵ Кроме бус из желтого стекла на правом запястье девочки 8-9 лет (тип 146, по Е.М.Алексеевой). Один аналогичный экземпляр происходит из Ольвии. Он датируется концом VI – началом V вв. до н.э. Три экземпляра из комплексов II-IV вв. н.э. могильника «Совхоз 10», а один из могильника «Дружное», датируемый в пределах второй половины III-IV вв. н.э.

При всей своей многофункциональности [Масленников, 2007, с. 448-454] зольники, безусловно, несли в себе ещё и защитную функцию. Так, зольник Белинского городища первых веков н.э., высотой около 5 м и диаметром в основании до 60 м., располагался довольно близко от юго-восточного въезда на территорию города. Похоже, что такое местоположение данного сакрального объекта было непосредственно связано с его охранными функциями [Зубарев, 2003, с. 138]. С противоположной – северо-западной части городища - золистым слоем была засыпана территория над разрушенной оборонительной стеной. Именно в этом слое и найдены ритуальные захоронения позднеантичного времени.

На связь магических действий с золистыми насыпями указывает то обстоятельство, что последние нередко являлись местом человеческих жертвоприношений. Об этом свидетельствуют человеческие черепа в зольниках у с. Кошары [Носова, 2002, с. 64], на поселении «Бакланья скала» [Масленников, 2007, с. 422], на жертвеннике в Илурате, пол у которого был покрыт слоем золы [Коренцвит, 2007, с. 160-161]. Отметим и достаточную устойчивость традиции захоронений в зольниках. Такую особенность хорошо демонстрирует зольник еще позднебронзового века (у с. Новоселица Одесской обл.), в котором, помимо изначальных двух, остальные семь погребений относятся к средневековью [Тощев, Черняков, 1986, с. 123-125]. На мысе Зюк в Крымском Приазовье в мощном золистом слое, непосредственно связанном с городской оборонительной стеной, которая к периоду поздней античности уже не функционировала [Масленников, 2007, с. 424], в верхних золистых слоях (IV-VI вв. н.э.) обнаружено два сильно скорченных, почти безынвентарных женских костяка с деформированными черепами. Перед ними находились остатки детского погребения в обломке большой красноглиняной амфоры [Масленников, 2007, с. 431]. На одном из зольников поселения у с. Михайловка в верхних горизонтах насыпи обнаружено безынвентарное вытянутое мужское захоронение [Масленников, 2007, с. 439].

Предполагается, что такие действия могли соотноситься с оргиастическим дионисийским культом или аналогичным по характеру малоазиатским культом Кибелы [Носова, 2002, с. 65]. Однако в этом случае не учитываются охранно-защитные функции подобных захоронений. Ведь в случае опасности (войны, нападения, штурма) именно на этом месте, где происходил контакт с богами подземного мира, можно было рассчитывать на их божественную поддержку. Следовательно, погребения необходимо было располагать в наиболее уязвимых для обороны местах или же на возвышенностях, откуда подземные боги и умершие предки в минуту опасности, увидев тяжёлое положение поселения или города, могли оказать необходимую помощь.

Погребения с охранным смыслом не обязательно должны были совершаться только в зольниках. Так, например, пространство вдоль оборонительных

стен Херсонеса и даже собственно территория перибола специально использовались жителями города как кладбище. Только на юго-восточном участке в ходе раскопок открыто свыше 500 гробниц преимущественно первых веков. Более того, есть склеп, устроенный непосредственно под оборонительной стеной, и пристенные склепы, специально рассчитанные на внешнее обозрение [Сорочан, Зубарь, Марченко 2003, с. 38-43]. Всё это свидетельствует о том, что в действиях по обеспечению сакральной защиты городов и поселений главным считалось совершение ритуальных человеческих захоронений по обряду трупоположения, которые выполняли функцию важнейших посредников между богами и людьми. Зольник же, по-видимому, лишь обеспечивал контакт с нужным для человека божеством.

Среди захоронений в зольнике над северо-западной оборонительной стеной в первую очередь заслуживает внимания погребение женщины с младенцем на груди [Зубарев, Ярцев, 2008, с. 17-18]. Подобные погребения матери с младенцем крайне редки для Восточной Европы. По-видимому, речь здесь идёт не только о кровнородственной связи матери и ребёнка, иначе бы данный обряд был бы более распространён. Статус погребённой женщины с ребёнком на груди, учитывая особые посреднические свойства последнего, должен был иметь непосредственное отношение к культу хтонических божеств. Возможно, данный обряд был напрямую связан с культом Исиды, иконографический образ которой как раз и представлен изображением богини с младенцем на руках.

Данный образ на Белинском городище был известен. Его позднеантичное костяное изображение, имеющее фракийское происхождение, было обнаружено в разграбленном склепе некрополя городища [Зубарев, 2008а, с. 242]. Возможно, в данном случае могло иметь место намеренное копирование образа Исиды, кормящей грудью Гора [Ярцев, 2010, с. 379-381]. В этом случае перед нами одно из главнейших сакральных защитных погребений Белинского городища — символ персонификации городища с Великой богиней.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что все погребения над фундаментом оборонительной стены были плотно завалены камнями. Обращение к предкам и миру хтонических божеств было в достаточной степени опасным и просто не могло не сопровождаться страхом живых перед мёртвыми. Заваливание могилы слоем тяжёлых камней было, безусловно, связано со страхом перед не ушедшими в потусторонний мир мертвецами [Никитина, 2008, с. 147-148]. Даже малейшее нарушение обрядовой магии могло привести к прямо противоположным последствиям, и вместо помощи жители городища получили бы вред. Отметим, что в Барбарикуме при обычном погребении по обряду трупоположения большая часть тел уничтожалась при ритуальном вторичном вскрытии могилы. Кости безжалостно ломались, перемешивались, сдвигались и т. д. [Никитина, 2008, с. 121-122]. Однако, моги-

лы с Белинского городища следов вторичного вскрытия не несут. Видимо, это произошло по причине сакральной установки этих обрядов не на временные, а на постоянные защитно-охранные функции.

Тем не менее, на одном мужском костяке из этой группы погребений отсутствует череп⁶ [Зубарев, Ярцев, 2008, с. 19]. В центральной же части городища, в золистом слое под вымосткой второй половины IV в. н.э. было выявлено погребение, состоящее из отдельных фрагментов человеческих тел: черепа и нижней челюсти двух взрослых мужчин вместе с бедренными костями женщины и ребёнка. Рядом был обнаружен серолощёный кувшин, близкий по типу черняховским, но скорее являющийся аланским подражанием [Зубарев, 2009, с. 177].

Захоронения тела без головы, черепа или черепов с другими отдельными костями относятся к так называемым расчленённым погребениям и хорошо известны как на Кавказе [Бакушев, 2008, с. 94-110], так и в лесостепных земледельческих культурах скифского времени [Яковенко, 1967, с. 177; Пузикова, 1969, с. 79]. Вообще отделение головы человека от тела весьма распространённый у различных народов обряд. Он, вероятно, связан с представлением о голове как оместилище души или обладающей особой магической силой [Шауб, 2007, с. 140]. Возможно, это отголоски древних оргиастических женских культов Восточного Средиземноморья. Именно для них было характерно почитание отрубленной человеческой головы [Иванов, 1994, с. 120; Антонова, 1979, с. 18; Шауб, 2007, с. 115-117].

В то же время культ отсечённой головы был напрямую связан опять же с защитной функцией. Вспомним хотя бы крымских тавров, отрубавших головы у своих жертв и насаживавших их на колья над своими жилищами. При этом они считали, что отрубленные головы - это «стражи всего дома» (Herod., IV, 103). Известен культ головы и на Боспоре [Емец, Масленников, 1992, с. 36]. Здесь, как правило, черепа помещались на городищах и внутри помещений, что сближает данный обряд с выявленным погребением на Белинском городище.

Совершенно справедливо также мнение, что обряд расчленённого захоронения в какой-то степени связан всё с той же боязнью вреда, который мог нанести мёртвый живым [Бакушев, 2008, с. 104]. Ведь самым надёжным способом избавиться от живого мертвеца было отчленение его головы [Петрухин, 2010, с. 118]. В этом случае мёртвый был обезврежен и уже не мог вернуться и причинить зло [Молева, Мончинска, 1997, с. 209].

Однако изначальное повреждение тела умершего сильно уменьшало защитно-охранные функции данного захоронения. Поэтому, с целью их

⁶ В отличие от других погребенных, лежащих головой на север с отклонением на северо-восток, это захоронение было ориентировано на запад.

сохранения, при совершении этого обряда необходимо было соблюдать некоторые правила. Если расчленённое захоронение, с целью сохранения своей эффективности, должно имитировать целое тело, то в первую очередь в тех его частях, которые отвечали за главные сакрально-защитные функции этого обряда. По нашему мнению, именно поэтому в состав расчленённых захоронений часто вместе с черепом входят кости конечностей (обычно бедренные кости) и нижние челюсти. При этом, для безопасности, весь этот «набор» часто представлен лишь фрагментами, да и то, как в случае на Белинском городище, от разных людей. Всё это, с одной стороны, не исключало возможности, а с другой, сильно ограничивало мертвеца в способности ходить и говорить. Иногда для большей безопасности вообще уничтожалась нижняя челюсть (чтобы мертвец вообще не мог говорить), а кости конечностей сохранялись лишь в минимально возможном количестве.

Итак, большинство ритуальных захоронений на городище «Белинское» выполняло сакрально-защитные функции. В начальный период эти функции носили вспомогательный характер. Захоронения собак и, возможно, свиной лишь усиливали защитные функции материальных объектов, но не подменяли их. Захоронения людей, по-видимому, носили экстраординарный характер и отражали период наибольшей опасности (захоронение младенцев у западной башни накануне нашествия варваров).

Погребения собак внутри помещений были многофункциональны, на что в частности указывает наличие длительно использовавшегося алтаря над захоронением в одном из помещений на раскопе «Северный». Такие погребения, как правило, содержали инвентарь в отличие от погребений с внешней стороны оборонительных стен, выполнявших исключительно охранные функции.

Разрушение оборонительных сооружений к середине IV в. н.э. привело к тому, что основная функция охраны города в рамках его условных границ отошла исключительно к сакральной сфере. Захоронения животных с этой задачей справиться не могли (до сих пор подобных захоронений этого периода не обнаружено), и их заменили более сильные посредники - люди.

И, наконец, последнее. Можно ли на основе всего вышесказанного говорить о каких-либо изменениях в этническом составе жителей городища «Белинское» за время его существования? Думается, что однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Хотя полиэтнический состав населения Боспорского царства изначально предполагал достаточно высокую степень взаимопроникновения религиозно-мифологических представлений, всё-таки доминирующим этносом в этом плане оставались эллины. Лишь на последнем этапе, в условиях, когда Боспор потерял контроль над этой территорией, можно очень осторожно говорить о какой-то новой этнической группе, религиозно-мифологические представления которой нашли отражение в появлении расчленённого захоронения на центральном участке городища.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова Е.В.* О характере религиозных представлений неолитических обитателей Анатолии // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.
- Бакушев М.А.* Погребальный обряд населения Дагестана албано-сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Ростов н/Д., 2008.
- Бураков А.В.* Козырское городище рубежа и первых столетий н.э. Киев, 1976.
- Власов В.П.* О позднескифских миграциях на Боспор // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. XI. С. 163-176.
- Высотская Т.Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972.
- Высотская Т.Н.* Скифские городища. Симферополь, 1975.
- Высотская Т.Н.* Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979.
- Высотская Т.Н.* Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища // Античная и средневековая идеология. Свердловск, 1984.
- Денисова В.И.* Коропластика Боспора. Л., 1981.
- Емец И.А., Масленников А.А.* Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора // Российская археология. 1992. № 4.
- Завойкин А.А., Добровольская Е.В.* Боги, люди, животные и птицы в святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове // Боспорские чтения. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007. Вып. VIII.
- Зубарев В.Г.* Некоторые особенности сакральной жизни населения сельской территории Европейского Боспора в первых веках н.э. (по материалам городища «Белинское») // Древности Боспора. М., 2003. Т.6.
- Зубарев В.Г.* Городище «Белинское» в системе фортификации Европейского Боспора в I – II вв. н. э. // Боспорские чтения. Керчь, 2008. Вып. IX.
- Зубарев В.Г.* Изделия из кости с городища Белинское и его некрополя // Древности Боспора. М., 2008а. Вып. 12. Ч.1.
- Зубарев В.Г.* К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III – IV вв. н.э. (по материалам городища Белинское и его некрополя) // Боспорские чтения. Керчь, 2009. Вып. X.
- Зубарев В.Г.* К вопросу о западной границе Боспора во второй половине IV – начале V вв. н.э. // БФ. СПб. 2011.
- Зубарев В.Г., Яцев С.В.* К вопросу об этнической принадлежности позднеантичного населения городища «Белинское» // Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований: Материалы III Всерос.науч.-практ.конф.: В 5 т. Тула, 2008. Т.3.
- Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в. н.э.). Киев, 1998.
- Зубарь В.М.* Боги и герои античного Херсонеса. Киев, 2005.
- Иванов В.И.* Дионис и прадионисийство. СПб., 1994.
- Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. Киев, 1993.
- Коренцовит В.А.* Святилище в Илурате // Боспорский феномен. СПб., 2007. Ч. 1.
- Кузина Н.В.* Комплекс теракотовых статуэток из Китейского святилища (раскопки 2007 – 2008) // Боспорский феномен. СПб., 2009.
- Лалин В.В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* О назначении некоторых предметов инвентаря и роли жертвенных животных в погребальном ритуале меотов IV в. до н.э. (по материалам Прикубанского могильника) // Боспорский феномен. СПб., 2002. Ч. II.
- Масленников А.А.* Сельские святилища Европейского Боспора. М., 2007.
- Могильников В.А.* Погребальный обряд культур III в. до н.э. – III в. н.э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 1974.

- Молева Н.В. Антропоморфные памятники Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991.
- Молева Н.В. Жертвоприношения собак в Китейском святилище // Боспорские чтения. Керчь, 2001. Вып. II.
- Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Н.Новгород, 2002.
- Молева Н.В. О культе Кибелы на Боспоре // Боспорский феномен. СПб., 2007. Т. I.
- Молева Н.В., Мончинска М. Страх перед умершими и культ мертвых у германцев в IV – VII вв. н.э. (на основании так называемых погребений специфического обряда // STRATUM+Петербургский археологический вестник. СПб; Кишнев, 1997.
- Морозова Я.И. Предварительный анализ одного обряда погребений первых веков нашей эры в Северном Причерноморье // VITA ANTIQUA. Киев, 2003. № 5-6. С. 126-130.
- Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М., 1975.
- Носова Л.В. О культовых зольниках античных поселений Северо-Западного Причерноморья (в связи с раскопками Кошарского археологического комплекса) // Боспорский феномен. СПб., 2002. Ч. 2.
- Никитина Г.Ф. Черняховская культура Поднестровья (по результатам анализа археологических источников) М., 2008.
- Петрухин В.Я. Загробный мир. Мифы о загробном мире: мифы разных народов. М., 2010.
- Пуздровский А.Е. О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н.э. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 114-126.
- Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона // МИА. 1969. № 151.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914.
- Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.
- Русяева А.С. Отражение всеобщего кризиса III в. до н.э. в религиозной жизни эллинов Северного Причерноморья // Боспорские чтения. Керчь, 2005. Вып. VI. С. 236-240.
- Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005а.
- Свенцицкая И.С. Первые христиане и Римская империя. М., 2003.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес – Херсон – Корсунь. Киев, 2003.
- Секерская Н.М. Погребения первых веков нашей эры из Никония // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978.
- Тоцев Г.Н., Черняков И.Т. Культовые зольники сабастиновской культуры // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986.
- Тульпе И.А., Хришановский В.А. Сакральное поле некрополя // Боспорский феномен. СПб., 2002. Ч. 1. С. 161-167.
- Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. М., 1998.
- Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII-IV вв. до н.э.). СПб., 2007.
- Яковенко Э.В. Пастирське городище скіфського часу // Археологія. 1967. Т. XXI.
- Ярцев С.В. Некоторые особенности почитания женского божества варварами Северного Приазовья и Крыма позднеантичного времени // Каразінські читання (історичні науки): Тези доповідей 63-ї міжнародної наукової конференції. Харків, 2010.
- Berger L. Sauglings – und Kinderbestattungen in romischen Siedlungen der Schweiz – ein Vorbericht // Archaeologische Schriften des Instituts für Vorung Frugeschichte der Johannes Guttenberg Universität Mainz. Mainz, 1998. S. 319-328.
- Fulgentius Seremones antique 7 (R.E.M. Wheeler, T.V.Wheeler, Veilmium. A Belgic and two Roman cities. Report research Committee Soc. Antiqu. London XI). Oxford, 1936.
- Struck M. Kinderbestattungen in romanobritischen Siedlungen – der archaologische Befund // Archaeologische Schriften des Instituts für Vorung Frugeschichte der Johannes Guttenberg Universität Mainz. Mainz, 1998. S. 313-318.

В.Г. Зубарев, С.В. Ярцев

РИТУАЛЬНЕ ПОХОВАННЯ У САКРАЛЬНІЙ ПРАКТИЦІ МЕШКАНЦІВ
ГОРОДИЩА «БЕЛІНСЬКЕ»

Резюме

В статті аналізуються ритуальні поховання тварин та людей з розкопів на городищі «Белінське» у Східному Криму. Розглядаються особливості та призначення поховань собак, свиней та деяких інших тварин. Ритуальне поховання людей на городищі поділені на дві групи: поховання немовлят та поховання дорослих людей. Простежуються спадкоємність та інновації у обрядовій практиці мешканців городища за період з першої чверті II ст. н.е. по першу чверть V ст. н.е. Даються попередні висновки про зміни в етнічному складі населення.

В.Г. Зубарев, С.В. Ярцев

РИТУАЛЬНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В САКРАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ЖИТЕЛЕЙ
ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ»

Резюме

В статье анализируются ритуальные захоронения животных и людей из раскопок на городище «Белинское» в Восточном Крыму. Рассматриваются особенности и назначение погребений собак, свиней и некоторых других животных. Ритуальные захоронения людей на городище разделены на две группы: погребения младенцев и погребения взрослых людей. Прослеживаются преемственность и инновации в обрядовой практике жителей городища за период с первой четверти II в. н.э. по первую четверть V в. н.э. Даются предварительные выводы об изменениях в этническом составе населения.

V.G. Zubarev, S.V. Yartsev

RIITUAL BURIALS IN SACRED PRACTICE OF THE INHABITANTS OF THE
SETTLEMENT «BELINSKOYE»

Summary

Burials of animals and humans from the excavation on the site «B» in the eastern Crimea are analyzed in the article. Particular features and purposes of burials of dogs, pigs and other animals are considered. Ritual burials of humans at the site are divided into two groups: burials of infants and burials of adults. Continuity and innovation in the ritual practice of the inhabitants of the settlement for the period from the first quarter of the 2nd century AD till the first quarter of the 5th century AD can be traced. Preliminary conclusions on changes in the ethnic composition of the population are given.